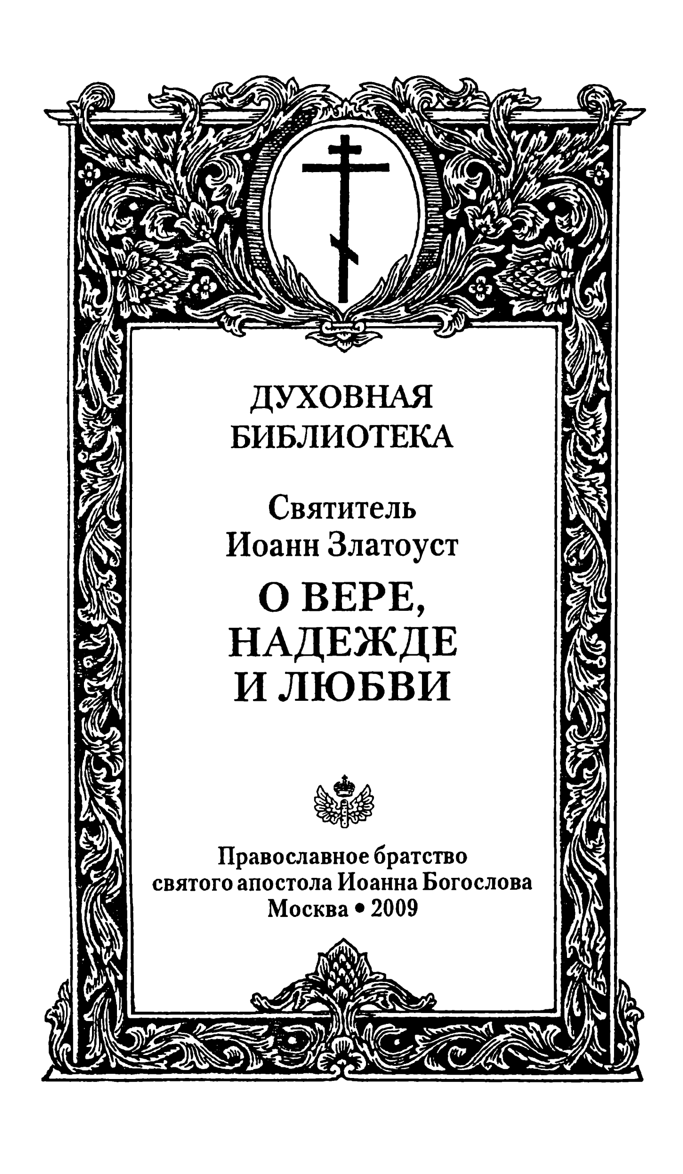
святитель

ДУХОВНАЯ БИБЛИОТЕКА

Святитель Иоанн Златоуст

О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ И ЛЮБВИ

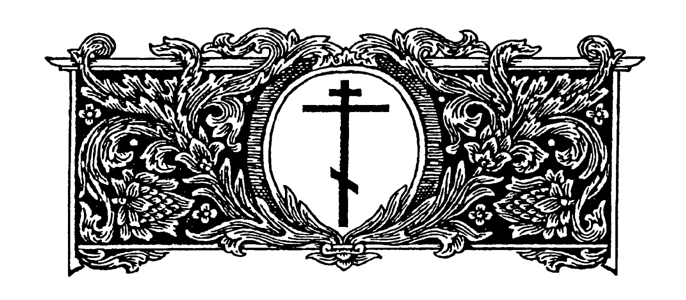
Православное братство святого апостола Иоанна Богослова
Москва • 2009

По благословению
Высокопреосвященнейшего Владимира,
митрополита Ташкентского
и Среднеазиатского

Духовная библиотека
Святитель Иоанн Златоуст
О вере, надежде и любви. М., 2009

ISBN 5-87301-017-X

Святитель Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский. Краткое житие

Иоанн родился в Антиохии в 347 году в семье военачальника. После смерти его отца мать все свои силы отдала воспитанию Иоанна. Юноша учился у лучших философов и риторов, рано обратился к углублённому изучению Священного Писания и молитвенному созерцанию. Когда скончалась мать Иоанна, он принял монашество, которое называл «истинной философией». Иоанн провёл в пустыне четыре года, два из которых соблюдал полное безмолвие, находясь в уединённой пещере.

Расстройство здоровья побудило его возвратиться в Антиохию. Здесь он принял сан диакона и затем священника. Двенадцать лет священства в Антиохии были самым счастливым временем в его жизни. Он неутомимо

проповедовал (обычно дважды в неделю, а иногда ежедневно) и принимал самое живое участие в радостях и скорбях антиохийской паствы. Священник Иоанн ревностно исполнял заповедь попечения о бедных: при нём Антиохийская Церковь кормила каждый день до трёх тысяч неимущих, не считая заключённых, странников и больных.

Проповеди его были любимы паствой и часто прерывались рукоплесканиями. Иоанн останавливал слушателей, говоря: «Что мне в ваших рукоплесканиях? Исправление жизни и обращение к Богу — вот лучшая мне похвала от вас».

Златоустом впервые назвала его во всеуслышание в храме некая простая женщина, находясь в порыве восторга от его проповеди.

В скором времени во всём христианском мире уже гремела слава святого Иоанна Златоуста, и в 397 году он был поставлен архиепископом Константинопольским. Святитель начал с духовного совершенствования священства, и здесь лучшим примером был он сам. Средства, которые предназначались для его содержания, святой обращал на нужды нескольких больниц и двух гостиниц для паломников. Сам же архипастырь довольствовался скудной пищей, отказывался от приглашений на обеды.

Распущенность столичных нравов, особенно императорского двора, нашла в лице святого Иоанна сурового обличителя. Когда императрица Евдоксия, жена императора Аркадия (395–408), распорядилась о конфискации собственности у вдовы и детей опального вельможи, святой встал на их защиту. Гордая императрица не уступила и затаила гнев на архипастыря. Ненависть Евдоксии к святителю разгорелась с новой силой, когда недоброжелатели сказали ей, будто святитель в своём поучении о суетных женщинах имел в виду её. Суд, составленный из иерархов, обличаемых ранее Златоустом, постановил низложить святого Иоанна и за оскорбление императрицы предать казни. Император Аркадий заменил казнь изгнанием. У храма толпился возбуждённый народ, решивший защищать своего пастыря. Святитель, чтобы избежать волнений, сам отдал себя в руки властей.

Той же ночью в Константинополе произошло землетрясение. Испуганная Евдоксия просила императора срочно вернуть Иоанна и немедля послала письмо изгнанному пастырю, умоляя его вернуться. Но уже через два месяца новый донос пробудил гнев Евдоксии. В марте 404 года состоялся собор, постановивший изгнать святого Иоанна. После удаления его из столицы сгорело

здание сената, затем последовали опустошительные набеги варваров, а в октябре 404 года умерла Евдоксия. Даже язычники видели в этих событиях Божье наказание за неправедное осуждение угодника Божия.

Около трёх лет Иоанн прожил в армянском городе Кукузе, затем отправлен был далее в Пициунт (Пицунда в нынешней Абхазии). Суровые стражники в течение трёх месяцев вели святителя пешком чрез горы и в зной, и в проливной дождь. Изнеможённый до крайности, святитель остановился в Команах. Здесь ночью 14 сентября 407 года ему явился святой мученик Василиск, мощи которого почивали в этом городе, и сказал: «Не унывай, брат Иоанн, завтра будем вместе». Иоанн причастился Святых Таин и мирно скончался со словами «Слава Богу за всё!»

Святой Златоуст в своих многочисленных беседах (около восьмисот) оставил вдохновенные толкования на многие книги Священного Писания. Много трудов положил он на устроение Богослужения, в частности, составил чин Литургии, который до сих пор соблюдается Православной Церковью и носит его имя. Златоуст ввёл в церковное употребление крестные ходы и некоторые другие благочестивые обычаи.

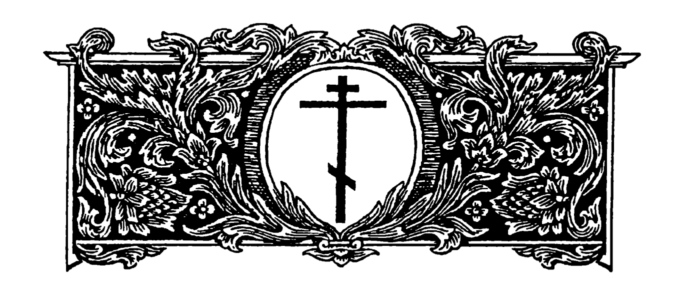
Сверх всего этого он известен своей заботой о распространении веры Христовой. Между прочим, он послал и на Русь к тогдашним скифам проповедников веры и почитается одним из её просветителей.

На все дела своей жизни Златоуст вдохновлялся любовью и сам был любим своей многочисленной паствой. В своей проповеди он однажды сказал так:

— Как же сделать, чтобы нас любили? Будем добрыми, и мы достигнем, что всегда будут любящие нас. Пусть каждый заботится не столько о приобретении имущества или домов, сколько о том, чтобы быть любимым...

Память святителя Иоанна Златоуста совершается 14/27 сентября (кончина), 27 января/10 февраля (обретение мощей) и 13/26 ноября, а также 30 января/12 февраля в соборе святителей, вместе с Василием Великим и Григорием Богословом.

О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ И ЛЮБВИ

ВЕЛИКОЕ БЛАГО – ВЕРА

Великое благо — вера, когда она бывает от горячего сердца, от многой любви и пламенной души. Она делает нас мудрецами; она прикрывает ничтожество человеческое и, оставляя умствования земные, рассуждает о вещах небесных; даже более: чего мудрость человеческая обрести не может, то она с избытком постигает и совершает. Будем же держаться веры и не станем вверять наших дел умствованиям. Отчего, в самом деле, скажи мне, язычники не могли ничего обрести? Не знали ли они всей внешней мудрости? Почему же они не могли превзойти апостолов Христовых — неучёных рыбаков? Не потому ли, что одни всё предоставляли своим умствованиям, а другие — вере? Так, по этой причине рыбаки

(апостолы) превзошли Платона, Пифагора и всех вообще людей заблуждавшихся, победили сведущих в астрологии и математике, геометрии и арифметике и изучивших всякую науку и сделались настолько лучше их, насколько истинные и действительные мудрецы лучше людей, от природы глупых и безумных.

В самом деле, смотри: эти сказали, что душа бессмертна, или, лучше, не только сказали, но и убедили в этом; а те первоначально даже не знали, что такое душа, и когда узнали и отличили её от тела, опять стали страдать тем же незнанием. Так, одни говорили, что она бестелесна; другие, что она есть тело и вместе с телом разрушается. Равным образом, о небе язычники говорили, что оно одушевлено и есть Бог; а рыбаки и научили, и убедили, что оно есть творение и произведение Божие. Впрочем, в том нет ничего удивительного, что язычники руководились умствованиями; но вот что достойно слёз — что люди, представляющие себя верующими, и они оказываются душевными (но не духовными). Оттого-то и они впали в заблуждения. Так, одни из них говорили, что знают Бога так, как Он знает Сам Себя, чего не смел сказать даже никто из язычников.

О ВЕРЕ

Как костыль, крепко поддерживая дрожащие и от старости ослабевшие члены, не даёт поскользнуться и упасть, так точно и вера, надёжнее палки подкрепляя нашу душу, колеблемую и волнуемую немощью помыслов, и поддерживая силою собственной крепости, безопасно утверждает её и никогда не допускает ей споткнуться, исправляя немощь помыслов избытком собственной силы, разгоняя происходящий от них мрак и озаряя собственным светом душу, сидящую в смутных помыслах, как в тёмном доме. Поэтому лишённые её находятся в состоянии не лучшем того, в каком живущие во мраке, но подобно тому, как те и ударяются о стены, и сталкиваются со встречными, и падают в овраги и пропасти, и глаза не приносят им никакой пользы, когда нет руководительного света, — так и лишённые веры и толкают друг друга, и ударяются о стены, и наконец падают, увлекая сами себя в бездну погибели.

Свидетели этих слов — те, кто похваляется мирской мудростью и тщеславится отпущенною бородою, истёртым плащом и палкой. Они после длинных и многих рассуждений не видели камней, лежащих перед их глазами, потому что если бы они смотрели на них как на камни, то не стали бы почитать

их богами. Они восставали и друг против друга, и низвергались в самую глубокую бездну нечестия не от чего иного, как от того, что доверялись во всём собственным своим рассуждениям. Выражая и это, Павел сказал: *они... осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели* (Рим. 1, 21–22). Далее, приводя доказательство их помрачения и безумия, он прибавил: *и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся* (Рим. 1, 23).

Но весь этот мрак вера, придя, изгоняет из души принявшего её; и как спущенный якорь удерживает корабль, со всех сторон обуреваемый напором ветров и заливаемый поднимающимися волнами, и укрепляет его среди моря, так точно, когда привходящие извне помыслы обуревают наш ум, пришедшая вера надёжнее якоря избавляет его от кораблекрушения, приводя его к полному убеждению, как корабль в тихую пристань. Выражая это самое, апостол Павел сказал, что Бог *поставил одних Апостолами... к совершению святых... доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия... дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром* (Еф. 4, 11–14). Видишь ли действие веры,

как она, как бы некоторый надёжный якорь, устраняет колебание?

Об этом он же пишет в Послании к Евреям, выражаясь о вере, *которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу* (Евр. 6, 19). Дабы ты, услышав о якоре, не подумал, что он влечёт вниз, апостол показывает, что необыкновенное свойство этого якоря то, что он влечёт не вниз, но возносит ум вверх, поднимает к небу и вводит *во внутреннейшее за завесу*. Завесой он назвал здесь небо. Почему и для чего? Потому что, как завеса отделяла святое святых от внешней части скинии, так точно и это небо, подобно завесе, распростёртое среди создания, отделяет от внешней части скинии, то есть от этого видимого мира, святое святых, то есть горнее и высшее, *куда предтечею за нас вошел Иисус* Христос (Евр. 6, 20).

Смысл слов его следующий: вера, говорит он, возвышает нашу душу туда, не допуская её угнетаться никаким из нынешних бедствий, но облегчая труды надеждой на будущее. Подлинно, кто взирает на будущее, надеется на небесное и устремляет туда умственные очи, тот не чувствует скорби от здешних временных бедствий, как не чувствовал и Павел и, объясняя причину такой мудрости, говорил: *кратковременное легкое*

страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу (2 Кор. 4, 17). Как и каким образом? *Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое,* очами веры (2 Кор 4, 18). Как очи телесные не видят ничего умственного, так очи веры не видят ничего чувственного.

Но о какой вере говорит здесь Павел? Слово «вера» имеет двоякое значение. Верою называется та, которой некогда апостолы совершали знамения и о которой Христос сказал: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет* (Мф. 17, 20). А когда ученики не могли избавить лунатика от беса и хотели узнать причину этого, то Он указывает им её в недостатке веры, сказав: *по неверию вашему* (Мф. 17, 20). И Павел об этой же вере говорит: *если имею... всю веру, так что могу и горы переставлять* (1 Кор. 13, 2).

Равным образом, когда Пётр, идя пешим по морю, начал утопать, то Христос укорил его за недостаток этой же веры, сказав: *маловерный! зачем ты усомнился?* (Мф. 14, 31). Итак, верою называется та, которая совершает знамения и чудеса. Верою же называется и та, которая руководит к познанию Бога, по которой каждый из нас есть верный. О ней говорит апостол в Послании к Римлянам: *Благодарю Бога моего через*

Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире (Рим. 1, 8); также к фессалоникийцам: *от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла слава о вере вашей в Бога* (1 Сол. 1, 8).

На какую веру он указывает здесь? Очевидно, на веру познавательную, как показывают дальнейшие слова: *мы веруем,* говорит он, *потому и говорим*. Чему веруем? *Что Воскресивший Господа Иисуса* Христа *воскресит через Иисуса и нас* силою своею (2 Кор. 4, 14). Но почему он называет её *духом веры* и включает в число дарований? Если вера есть дарование и только дар Духа, а не наша заслуга, то и неверующие не будут наказаны, и верующие не удостоятся похвалы, потому что таково свойство дарований: за них не получают венцов и наград, так как дарование не есть заслуга получивших его, а дар щедрости подателя. Поэтому Господь повелел и ученикам не радоваться тому, что они изгоняли бесов, и лишил Царства Небесного тех, которые пророчествовали и Его *именем многие чудеса Творили* (Мф. 7, 22), так как собственными заслугами они не могли похвалиться, а хотели спастись одними только дарованиями.

Итак, если и вера есть нечто такое, если в ней мы ничего не привносим от себя, но всё принадлежит благодати Духа, которая и внед-

ряет её в наши души, и мы не получим за это никакой награды, то как же апостол говорит: *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10)? Значит, вера есть также доброе дело уверовавшего.

Как и в другом месте он выражает то же самое, когда говорит: *не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность* (Рим. 4, 5), если всё принадлежит благодати Духа. Как и патриарха Авраама он увенчал за неё бесчисленными похвалами — за то, что тот, презрев всё настоящее, поверил с надеждою сверх надежды (см. Рим. 4, 18).

Итак, для чего же апостол называет её *духом веры?* Он хочет показать, что вначале уверовать и покориться призыву зависит от вашего благорасположения; а после того, как вера уже внедрена, мы имеем нужду в помощи Святого Духа для того, чтобы она пребывала постоянно непоколебимой и неизменной. Ни Бог, ни благодать Духа не предваряют нашего расположения, но хотя Господь призывает, однако ожидает, чтобы мы пришли добровольно и по собственному желанию; а потом, когда мы уже пришли, тогда подаёт от Себя всякую помощь.

Так как диавол, после того как мы приступили к вере, тотчас приходит, желая вырвать этот добрый корень и спеша

посеять плевелы и повредить истинные и чистые семена, то мы имеем тогда нужду в помощи Духа, дабы Он, относясь к нашей душе подобно трудолюбивому земледельцу, своим великим попечением и промышлением со всех сторон ограждал новонасаждённое растение веры.

Поэтому апостол в Послании к Фессалоникийцам говорит: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19), внушая, что по пришествии благодати Духа мы будем недоступными для лукавого беса и всех ухищрений его, потому что, если *никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. 12, 3), тем более никто не может соблюсти веру свою безопасной и твёрдой, как только Духом Святым.

О БЕЗУМИИ НЕВЕРИЯ И О СПАСЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Что может быть жалче и безумнее людей, которые дерзают утверждать, будто всё сущее произошло само собою, и всё творение лишают промышления Божия? Как возможно, скажи мне, чтобы столько стихий и такое благоустройство существующего управлялось без правителя и повелителя вселенной? И корабль не может плыть по морским волнам без кормчего, и воин — делать что-либо доблестное без военачальника,

и дом — стоять без управляющего, а этот беспредельный мир и это благоустройство стихий могут разве существовать сами собою, случайно, если нет управляющего всем и своею премудростью поддерживающего и соразмеряющего всё видимое?! Но для чего мы слишком усиливаемся доказывать этим людям то, что, по пословице, видно и слепым?

Впрочем, мы не перестанем предлагать им наставления от Писания и употреблять всевозможное старание, чтобы отклонить их от заблуждения и привести к истине. Хотя они ещё и порабощены заблуждением, но одной с нами природы, и потому нужно иметь великое о них попечение, никогда не ослабевать, но с великой тщательностью делать зависящее от нас и доставлять им приличное врачевство, чтобы они, хотя и поздно, достигли истинного здравия.

Богу ничто так не вожделенно, как спасение души. Вот и Павел взывает: Бог *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4); и Сам Бог говорит: *Разве Я хочу смерти беззаконника?.. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?* (Иез. 18, 23). Поэтому Он и всю эту природу создал, и нас сотворил не для того, чтобы нас погубить или подвергнуть наказанию, но чтобы спасти и, избавив от заблуждения, даровать нам блаженство в Царстве

Небесном. Его уготовал нам не теперь, по сотворении, но ещё прежде создания мира, как Сам говорит: *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34).

Смотри, как человеколюбив Господь, как Он ещё прежде творения и прежде появления человека приготовил для него бесчисленные блага и этим показал, какое попечение имеет Он о нашем роде и что всем желает спастись. Имея такого Владыку – столь человеколюбивого, столь благого и столь милосердого, будем заботиться о спасении и собственном, и братьев наших.

К нашему спасению послужит и то, когда мы не о себе только будем заботиться, но и станем приносить пользу ближнему и руководить его на путь истины. А чтобы видел ты, какое великое благо, заботясь о своем спасении, доставлять пользу и другому, послушай, что пророк говорит от лица Божия: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15, 19). Что значит это? Кто руководит ближнего от заблуждения к истине или от зла приводит к добру, тот, говорит Господь, уподобляется Мне, сколько это возможно человеку.

И сам Он, будучи Богом, облёкся в нашу плоть и сделался человеком не для чего иного, как для спасения рода человеческого.

И что говорю: облёкся в нашу плоть и испытал всё, что бывает с людьми, когда Он взял на себя даже крест, чтобы нас, пленённых грехами, освободить от проклятия? Об этом так говорит Павел: *Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою* (Гал. 3, 13).

Итак, если Он — Бог и Существо непостижимое — по неизреченному человеколюбию принял на Себя всё это ради нас и нашего спасения, то чего не должны мы сделать для наших ближних, чтобы исхитить их из челюстей диавола и привести на путь добродетели? Насколько душа лучше тела, настолько высших — перед подающими бедным деньги — наград удостоятся те, кто увещаниями и собственным примером ведёт нерадивых и заблуждающихся на прямой путь, показывая им безобразие порока и великую красоту Божественной добродетели.

О НАДЕЖДЕ НА БОГА

Если хочешь получить помощь от Бога, не оставляй ничего, зависящего от тебя самого. Подлинно, кто отрешился от всего человеческого и предался надежде на помощь свыше, тот не только получает скорое избавление от бедствий, но и среди самих бедствий не колеблется и не смущается, ободряемый надеждою на этот якорь. Так,

три отрока не только смогли выйти из печи, но и, находясь в печи, не смущались, потому что были уверены в помощи Божией.

Безопасность, происходящая от надежды на Бога, гораздо надёжнее самой власти во время бедствий, потому что последняя есть человеческая, а первая — Божественная и непреодолимая. Бог нам помощник и прибежище. Как же это бывает? Если мы постоянно надеемся на Него. Если же Он не сразу избавляет тебя от бедствий, то это бывает для твоего испытания.

Как, имея возможность не допускать к тебе бедствий, Он допускает их для того, чтобы сделать тебя более крепким, — так и, имея возможность избавить от них в самом начале, Он медлит и отсрочивает для того, чтобы укрепить твоё терпение, упражнять твою надежду и усилить твою любовь к Нему; Он не попускает нам ни постоянно бедствовать, чтобы мы не отчаялись, ни постоянно благоденствовать, чтобы мы не впали в грехи.

О НАДЕЖДЕ НА БОГА И НА ЦЕРКОВЬ БОЖИЮ

Не удаляйся от Церкви, потому что нет ничего сильнее Церкви. Твоя надежда — Церковь, твоё спасение — Церковь, твоё убежище — Церковь. Она выше неба,

обширнее земли. Она никогда не стареет, но всегда цветёт. Поэтому Писание, выражая твердость её и непоколебимость, называет её горой; за её непорочность называет её девой; за великолепие называет её царицей; за родство с Богом называет её дщерью; за многочадие называет её, бывшую бесплодной, рождающей семерых: множество названий, чтобы представить её благородство!

Как Господь её имеет много имен: и Отцом называется, и путём, и жизнью, и светом, и мышцею, и очищением, и основанием, и дверью, и безгрешным, и сокровищем, и Господом называется, и Богом называется, и Сыном называется, и Единородным называется, и изображением Божиим и образом Божиим называется (разве достаточно одного имени для выражения всего? — Нет, но для того множество имён, чтобы мы знали о Боге хотя немногое), — так и Церковь называется многими именами. Она называется девой, хотя прежде была блудницей, потому что это и есть чудное дело Жениха, что Он взял блудницу и сделал девой. Необыкновенные и дивные дела! Брак у нас разрушает девство, брак у Бога восстанавливает девство. У нас бывшая девой, вступив в брак, уже не дева; у Христа бывшая блудницей, вступив в брак, делается девой.

Пусть это одно объяснит еретик, исследующий небесное рождение и говорящий:

как родил Отец? Скажи ему: как Церковь, бывшая блудницей, сделалась девой? И как родившая осталась девой? *Я ревную* о вас ревностию Божиею,* говорит Павел, *потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11, 2). О мудрость и разумение! *Ревную вас ревностию Божиею.* Что это значит? *Ревную,* говорит он. Ревнуешь ты, духовный? *Ревную,* говорит, как Бог. И Бог ревнует? Да, ревнует, не страстью, но любовью и желанием. *Ревную вас ревностью Божиею.*

Сказать ли тебе, как Бог ревнует? Видел Он, что земля развращается бесами, и отдал Сына Своего. Конечно, слова, употребляемые в отношении к Богу, имеют не то же самое значение; например, ревнует Бог, гневается Бог, раскаивается Бог, ненавидит Бог. Это – слова человеческие, но смысл их должен быть богоприличный. Ревнует ли Бог? *Ревную вас ревностию Божиею.* Гневается ли Бог? *Господи! не в ярости Твоей обличай меня* (Пс. 6, 1). Даже не спит ли Бог? *Восстань, что спишь, Господи!* (Пс. 43, 24). Раскаивается ли Бог? *Я раскаялся, что создал их* (Быт. 6, 7). Ненавидит ли Бог? *Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя* (Ис. 1, 14).

---

* Ревную (церк.-слав.) – сострадаю, ревностно забочусь

Но ты не обращай внимания на простоту выражений, а пойми богоприличный смысл их. Ревнует Бог, потому что любит. Гневается Бог не страстью, но возмездием и наказанием. Спит Бог, но не сном, а долготерпением. Принимай выражения с разбором. Так и тогда, когда слышишь, что Бог рождает, разумей не отсечение, а единосущность. Подлинно, много выражений Бог заимствовал от нас, и мы — от Него, чтобы это послужило к нашей чести.

О НАДЕЖДЕ И ИСКУШЕНИЯХ

Нам Бог обещал Царство Небесное, вечную жизнь, бессмертие и бесчисленные блага, а происходящее и случающееся с нами теперь, именно: смерть, тление, наказание, мучение и различные и непрерывные скорби — далеко не соответствуют этому. Для чего же Бог делает это и попускает такие события, которые противоречат обетованиям? Этим Он совершает два величайшие дела: во-первых, представляет нам несомненное доказательство своей силы, то есть что Он может привести в исполнение обетования самые невероятные; во-вторых, научает нашу душу верить Ему во всём, хотя бы события казались противоречащими предсказаниям. Такова сила надежды: она не постыжает того, кто искренно предан ей.

Если же так поступали те, которые получали обещания здешних благ, то гораздо более следует так поступать нам, которые надеемся на исполнение благих обетований не в настоящей жизни, но в будущем веке.

Для здешней жизни Господь предсказал скорбь и тесноту. Что же смущает тебя? Почему ты не доверяешь Божию обетованию? Презреть для Него весь мир и потом говорить, что Он не заботится, может только тот, кто не верит, сомневается и считает обетование Божие обманом; а это поистине значит бесноваться и навлекать на себя огонь геенский.

Однако и между людьми, преданными делам мирским, есть такие, которые живут спокойно? — Так, и это предсказал Христос: *истинно, истинно говорю вам,* говорил Он, *вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется* (Ин. 16, 20). И между прежними поколениями вавилоняне, даже не знавшие Бога, пользовались богатством, властью и честью, а иудеи жили в плену, в рабстве и в крайних бедствиях. И Лазарь, достойный небес и Царства Небесного, лежал, покрытый ранами, которые облизывали псы, и постоянно боролся с голодом; а богач жил в чести, окруженный обществом, в роскоши и удовольствиях; но всё это нисколько не помогло ему в геенне, как и Лазарю голод

и раны не препятствовали проводить честно настоящую жизнь; напротив, он, как мужественный борец, подвизающийся в самый тяжкий зной и жар, победил и увенчан.

Потому один мудрец и сказал: *Сын мой! Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению; управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения* (Сир. 2, 1–2). И несколько ниже: *золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничижения* (ст. 5). И ещё в другом месте говорится: *наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его* (Притч. 3, 11). Кто ввергает золото в печь, тот знает, сколько времени следует ему находиться в огне и когда должно оно быть вынуто; потому мудрец и говорит: *не смущайся во время посещения;* а Соломон, научая тому же самому, сказал: *не тяготись обличением Его.*

Скорбь — великое дело, великое для того, чтобы человек стал доблестным и научился добродетели терпения. А что, скажет кто-нибудь, если она своей чрезмерностью поколеблет и преодолеет человека? *Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10, 13). Если наказание бывает от любви, а оставление без наказания от

ненависти (см. Евр. 12, 7–8), то невозможно, чтобы один и тот же вместе и любил и ненавидел одного и того же, наказывал и вместе оставлял его без внимания.

Почему же, скажет кто-нибудь, многие впали в грехи? Потому что сами отпали от Бога, а не Им были оставлены. *Ибо вот,* говорит Писание, *удаляющие себя от Тебя гибнут* (Пс. 72, 27). А отдаляются они тем, что не переносят вразумлений Божиих, но гневаются и негодуют на них. Как если дурные дети, будучи посланы своими отцами к учителям, стараясь избежать тамошних трудов и малых наказаний, совсем убегают от родителей, то не получают от этого никакой пользы, а подвергаются гораздо большим неприятностям, оказываясь в необходимости терпеть на чужбине и голод, и бесприютность, и болезни, и бесчестие, и рабство, так то же бывает и с теми, которые не переносят с благодарностью внушения Божия, а негодуют на Него: они не только не получают от этого никакой пользы, но подвергают себя ещё крайним бедствиям. Потому нам и заповедано: *мужайся, и да укрепляется сердце твое, и надейся на Господа* (Пс. 26, 14). Но ты подвергся страданиям гораздо более тяжким? — Так и воспитатели детей не всем назначают равные и одинаковые упражнения, но слабым слабые, а сильным дают таких

же сильных противников, потому что у кого противник окажется слабее его самого, тот не будет иметь надлежащего упражнения, хотя бы стал бороться с ним целый день.

Почему же, скажет кто-нибудь, не всем, посвятившим себя одинаковой жизни, Бог определил нести одинаковые труды? Потому что у Бога не один вид упражнений и люди не все имеют нужду в одном и том же, хотя бы они были в одинаковых обстоятельствах, подобно тому как многие больные, страдающие одинаковыми болезнями, имеют нужду не в одних и тех же лекарствах, но одни — в одних, другие — в других. Поэтому и способы страданий различны и разнообразны: один искушается продолжительною болезнью, другой — крайней бедностью, иной — обидами и оскорблениями, а иной — тем, что постоянно и непрерывно видит смерть своих детей и родственников, тот — всеобщим презрением и отвращением, а этот — обвинением в том, чего он и не знает за собою, и навлечённым на него бременем бесславия, иной — иным способом, так что всего в точности и перечислить невозможно. Каждое из этих страданий в сравнении с твоим несчастьем тебе кажется лёгким и ничтожным, но если бы ты сам испытал их, то узнал бы, что твоё несчастье, на которое теперь сетуешь, гораздо сноснее их.

Впрочем, если некоторые и меньше нас наказываются, мы не должны соблазняться этим, потому что увеличение трудов служит к увеличению наград и бывает твёрдым оплотом против вольных или невольных нападений: оно обуздывает гордость, прогоняет беспечность, делает нас более благоразумными и благочестивыми. Вообще, если кто захочет перечислить всё, то найдёт много пользы от искушений, и никто из тех, о ком много заботится Бог, не бывает без печали, хотя нам это и не так представляется.

О ЛЮБВИ БОЖИЕЙ

Бог даровал нам самое величайшее благо: даровал не небо, не землю, не море, но то, что драгоценнее всего этого, — Он соделал людей ангелами, сынами Божиими, братьями Христовыми. Какое же это благо? Дух Святой. Если бы Богу не угодно было наградить нас великими венцами после трудов, то Он не дал бы столь великих благ прежде трудов. Ныне же сила любви Его открывается из того, что Он не медленно и не мало-помалу даровал нам почести, но сразу излил весь источник благ, и притом прежде подвигов.

Потому, хотя ты и не очень достоин, не отчаивайся, имея великим своим защитником любовь Судии. По этой причине и апос-

тол, говоря: *надежда не постыжает* (Рим. 5, 5), всё возложил не на наши заслуги, но на любовь Божию. Сказав же о даровании Духа, он опять обращается ко кресту и говорит: *Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками* (ст. 6–8).

Эти слова означают следующее. Если не скоро кто-нибудь согласится умереть и за добродетельного человека, то представь любовь твоего Владыки, когда Он оказался распятым не за добродетельных, но за грешников и врагов. Это и апостол говорит далее: *Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева. Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его* (ст. 8–10).

Кажется, как будто в этих словах заключается тождесловие, но при внимательном чтении его не найдется. Смотри же. Апостол желает убедить римлян относительно будущих благ, и сначала он убеждает их мыслью праведника, говоря, что этот совер-

шенно уверен: что обещал Бог, Он силен сотворить; потом доказывает это дарованною благодатью; далее — скорбями, говоря, что они способны привести нас к надежде; опять тем, что Бог даровал нам Духа, Которого мы и приняли; и наконец доказывает это Христовою смертью и нашею прежнею порочностью. И хотя, как замечено выше, сначала представляется, что сказано одно и то же, но на самом деле открываются две, три и более различные мысли: первая — та, что Христос умер, вторая — что умер за нечестивых, третья — что примирил, спас, оправдал, сделал бессмертными, сынами и наследниками. Потому, говорит апостол, нам следует укрепляться в уповании не только смертью Христовой, но и тем, что даровано чрез эту смерть. И хотя уже одно то, что Христос умер за нас грешников, было величайшим доказательством Его любви, но когда умирающий оказывается ещё подателем даров, и притом весьма великих для тех, которые их не заслуживали, то такое благодеяние превосходит всякую меру и должно привести к вере и совсем бесчувственного. И не другой хочет нас спасти, но Тот, Кто нас, бывших ещё грешниками, возлюбил до того, что Самого Себя предал за нас.

Видишь ли, как и в этом месте содержится доказательство относительно надеж-

ды на будущее? Прежде этого были два затруднения к нашему спасению: то, что мы были грешники, и то, что надлежало спастись смертью Владыки. Но последнее, прежде чем совершилось, было невероятным и, чтобы совершиться, нуждалось в великой любви; ныне же, когда это совершилось, и остальное сделалось гораздо легче: ведь мы сделались друзьями, и смерти Господа более уже не нужно. Итак, Тот, Кто пощадил врагов до того, что не пощадил Сына, неужели не защитит сделавшихся друзьями, когда притом Ему нет уже нужды отдавать Сына? Иной часто не спасает потому, что не хочет или не может, хотя бы и желал. Ни того, ни другого нельзя сказать о Боге, после того как Он отдал Сына. А что Бог и может спасти, апостол и это доказал тем, что Бог оправдал нас, бывших грешниками.

Итак, какое, наконец, остаётся для нас препятствие достигнуть будущих благ? Никакого. Затем, чтобы ты, услышав о грешниках, врагах, немощных и нечестивых, не стал стыдиться и краснеть, послушай, что говорит апостол далее: *И не довольно сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение* (Рим. 5, 11). Что значит: *не довольно сего*? Не только мы спасены, говорит апостол, но и хвалим-

ся тем, чего бы, по мнению других, надлежало нам стыдиться. То, что мы, жившие в столь великой порочности, были спасены, служит величайшим признаком сильной любви к нам Спасающего. Он спас нас не через ангелов и архангелов, но чрез Своего Единородного.

Итак, то, что Он спас, спас грешников, совершил это через Единородного, и не просто через Единородного, но Кровью Его, — всё это сплетает нам бесчисленные венки похвалы. В понятии славы и дерзновения нет ничего равного тому, как быть любимыми от Бога и любить Его, нас возлюбившего. Это делает блистательными ангелов, начала и силы, это больше царства, вследствие чего Павел и поставил это прежде царства; и я ублажаю бестелесных, потому что они любят Бога и во всём повинуются Ему.

.Потому и пророк удивлялся им, говоря: *Ангелы Его, крепкие силою, исполняющие слово Его* (Пс. 102, 20), а Исаия восхвалял серафимов, приписывая им великую добродетель, так как они стоят близ славы Божией, а это было знаком величайшей любви.

Итак, будем и мы подражать горним силам и постараемся не только стоять близ престола, но и быть обителью для Сидящего на престоле. Он возлюбил ненавидящих и не прекращает любить: *Он повелевает солнцу*

Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных (Мф. 5, 45). Ты же возлюби Любящего, потому что и Он любит. А почему же, спросишь, этот Любящий угрожал геенною, наказанием и мучением? По тому самому, что любит, так как, отсекая твоё лукавство и страхом, как некоторою уздою, удерживая тебя от стремления к худшему, Он всё делает и предпринимает, чтобы и приятными, и прискорбными средствами остановить тебя в стремительном падении, привести в себя самого и отвлечь от всякого порока, который ужаснее геенны.

А если ты смеёшься по поводу сказанного и желаешь лучше постоянно жить в пороке, чем один день подвергаться наказанию, то это нисколько не удивительно: это признак твоего несовершенного образа мыслей, твоего опьянения и неисцелимой болезни, — так как и малые дети, когда увидят, что врач намеревается прижечь или надрезать больное место, бросаются и бегут прочь, кричат и вырываются и предпочитают лучше страдать от постоянного гниения тела, нежели перенести временную боль и после этого наслаждаться здоровьем. А люди, имеющие ум, знают, что болезнь тяжелее надреза и что быть порочным хуже, чем подвергнуться наказанию, так как от одного возможно

вылечиться и быть здоровым, а от другого можно погибнуть или остаться в постоянном недуге.

Но всякому известно, что здоровье лучше болезни. Потому и о разбойниках следует плакать не тогда, когда им ломают рёбра, но тогда, когда они подламывают стены и убивают. Если душа превосходнее тела, как и действительно она превосходнее, то более справедливо стенать и плакать, когда она погибает; если же она не чувствует этого, то тем более нужно скорбеть о ней. Так и предающихся необузданной любви следует жалеть больше, чем сильно страдающих горячкою, а пьяниц больше, чем подвергаемых мучению.

Но если всё это вреднее, то почему, спросишь, мы больше избираем это? Потому что многим из людей, по пословице, нравится худшее и они предпочитают его, миновав лучшее. Это можно наблюдать при выборе пищи и рода деятельности, в склонностях житейских и в наслаждениях, в удовольствиях, в выборе жены, друзей, дома и всего прочего. Скажи мне, что доставляет больше удовольствия — общение с женщинами или мужчинами? С женщинами или с лошаками? Однако же мы найдём таких, которые избегают женщин, а имеют соитие с бессловесными и наносят поругание мужчинам, несмотря на

то, что сообразное с природой более приемлемо, чем противоестественное.

Вообще есть много людей, которые как за приятным гонятся за тем, что смешно, неестественно и влечёт за собою наказание. Скажешь, что им это кажется приятным. Но потому-то и жалки эти люди, что неприятное считают приятным. Так, они считают наказание хуже греха, а в самом деле это не так, но совершенно наоборот. Если бы наказание было злом для грешников, то Бог не присоединил бы зла ко злу и не захотел бы сделать их ещё худшими. Ведь Тот, Кто делает всё, чтобы истребить зло, не может и увеличивать его. Итак, для грешника нет зла быть наказанным, а, напротив, зло — не быть наказанным, подобно как зло для больного — не лечиться.

Но ничего нет настолько вредного для человека, как неумеренная страсть. Неумеренною же страстью я называю страсть к наслаждениям, праздной славе, господству и вообще ко всему тому, что сверх потребности. Тот, кто проводит роскошную и распущенную жизнь, представляется счастливее всех, но на самом деле он всех несчастнее, потому что предаёт душу свою во власть жестоким владыкам и мучителям — духам злобы. Бог для того и сделал настоящую жизнь нашу исполненною труда, чтобы избавить нас от

такового рабства и привести к полной свободе; для того Он угрожает наказанием, для того дал в удел нашей жизни заботы, чтобы обуздать склонность к неге.

Так, иудеи, пока были заняты копанием глины и деланием кирпичей, были покорны и непрестанно призывали Бога, а когда получили свободу, начали роптать, огорчать Владыку и погрузились в тысячи пороков. Но что сказать о людях, спрашиваешь ты, которые под влиянием скорби нередко изменяются к худшему? Такая порча бывает следствием не скорби, но людской слабости. Если кто, имея больной желудок, не может принять горького лекарства, которое бы его очистило, и погибает, то мы обвиняем не лекарство, а слабость органа; так и здесь причина — в слабости души. Если человек испортился, когда испытывал нужду, то тем более подвергнется этому, находясь в довольстве. Если он падает, когда связан (а таков человек в нужде), то тем более упадёт, когда развязан. Если в тесных обстоятельствах портится, то ещё легче испортится в благополучии.

Но как я могу, спросишь, не испортиться под влиянием несчастий? Если поймёшь, что хочешь или не хочешь, но ты должен перенести то, что терпишь, и если станешь переносить с благодарением, то получишь

весьма большую пользу, а если будешь сетовать, негодовать и роптать, то и несчастья своего этим не убавишь, и воздвигнешь ещё большую бурю. Имея такие мысли, мы всё, что бы ни случилось с нами по необходимости, будем принимать так, как бы происходило это по нашему желанию.

Положим, например, что один потерял любимого сына, а другой — всё имущество; если ты рассудишь, что избежать происшедшего было невозможно, а с другой стороны, что из неустранимого несчастья можно извлечь для себя и некоторую пользу и мужественно перенести случившееся, и если ты вместо хулы воздашь хвалу Господу, то несчастья, постигшие тебя против твоей воли, вменяются тебе в заслугу как достойно перенесённые тобою. Узнаешь ли ты, что похищен сын преждевременною смертью, — скажи: *Господь дал, Господь и взял* (Иов. 1, 21). Увидишь ли, что оскудело твое имущество, — скажи: *наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь* (Иов. 1, 21).

Ты видишь, что злые благоденствуют, а праведные злополучны и терпят тысячи несчастий, и не умеешь найти причину происходящего? Скажи: *как скот был я пред Тобою. Но я всегда с Тобою* (Пс. 72, 22–23). А если ты желаешь узнать и причину этого, то помысли, что Бог назначил день,

в который будет судить вселенную, и у тебя исчезнет всякое недоумение, так как тогда каждый получит по заслугам, как Лазарь и богатый. Приведи себе на память апостолов: они подвергались бичеванию и гонению, терпели тысячи бедствий, они радовались, что удостоились принять поругание за имя Христово.

И ты, если страдаешь каким-либо недугом, переноси болезнь мужественно и благодари Бога и таким образом получишь такую же награду, как и апостолы. Но как тот, кто находится в болезни и мучениях, может воздавать благодарение Господу? Если ты любишь Его искренно. Если три отрока, вверженные в печь, и другие, находившиеся в заключении и в бесчисленных иных бедствиях, не переставали благодарить, то тем более могут это делать те, которые находятся в болезнях и одержимы тяжкими недугами. Ведь нет, действительно нет ничего такого, чего бы не победила любовь.

А когда проявляется любовь Божия, то она выше всего, и ни огонь, ни меч, ни бедность, ни болезнь, ни смерть, ни всё прочее не страшны для того, кто пользуется этою любовью; посмеиваясь над всем, он станет парить к небу и душевным настроением окажется нисколько не ниже живущих на небе; он не посмотрит ни на что иное: ни

на небо, ни на землю, ни на море, — но устремлён будет к одной только красоте небесной славы; как скорби теперешней жизни не смогут унизить его, так земные блага и удовольствия не в состоянии будут возвысить и сделать надменным.

Итак, возлюбим и мы эту любовь (ведь ей нет ничего равного) и ради настоящего, и ради будущего, а лучше сказать, ради самой природы этой любви, потому что мы избавимся от наказаний и в настоящей жизни, и в будущем веке и достигнем Царства.

Но и кроме избавления от геенны и приобретения Царства, нужно упомянуть и нечто другое важное, что выше всего: это — любить Христа и быть от Него любимым. Если у людей взаимная любовь ценится выше всякой радости, то какое слово, какая мысль может изобразить блаженство души, которая любит Бога и Ему приятна? Это блаженство познаётся не иначе, как только на опыте. Потому, чтобы познать опытно таковую духовную радость, блаженную жизнь и сокровище неисчислимых благ, мы, оставив всё, станем искать этой любви как для собственной нашей радости, так и для славы любимого Бога, потому что Ему принадлежит слава и держава со Единородным Сыном и со Святым Духом ныне и присно и во все веки веков. Аминь.

ВОЗЛЮБИ ГОСПОДА БОГА ТВОЕГО И БЛИЖНЕГО ТВОЕГО

Хотя мы бесконечно отстоим от Бога, однако же Он любовь нашу друг к другу ставит близ любви к Нему Самому и одну называет подобною другой. Потому для той и другой любви Он положил почти равную меру и о любви к Богу сказал: *всем сердцем твоим и всею душею Твоею,* а о любви к ближнему: *как самого себя* (Мф. 22, 37–39). А апостол Павел говорит, что если нет любви к ближнему, то немного пользы и от любви к Богу. Как мы, когда любим кого-нибудь, говорим, что если ты полюбил его, то и меня полюбил, так и Христос, выражая это, сказал: *подобная ей,* а Петру: если любишь Меня, *паси овец Моих* (Ин. 21, 16). *Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 10).

Замечаешь ли, что любовь имеет то и другое совершенство — и воздержание от зла *(зла,* сказано, *не делает),* и делание добра (сказано: она есть *исполнение закона),* не только вкратце представляя для нас учение о том, что нужно делать, но и делая лёгким исполнение этого. Она не только заботится о том, чтобы мы уразумели полезное для нас (это делает и закон), но и много способствует нам в исполнении обязанностей, совершая в нас не одну какую-либо часть заповедей, но

всю добродетель во всей её полноте. Потому будем любить друг друга и таким образом возлюбим любящего нас Бога.

У людей так бывает, что когда ты полюбишь кого, то другой, любящий его, вооружается против тебя; но Бог требует, чтобы и ты приобщился любви, и не приемлет того, кто не разделяет с Ним любви. Любовь человеческая исполнена зависти и злобы, а любовь Божия свободна от всякой страсти. Потому Бог и ищет сообщников любви. Люби вместе со Мною, говорит Он, тогда и Я больше буду любить тебя. Вот слова беспредельно любящего! Если ты любишь любимых Мною, тогда Я вижу, что и Меня ты любишь усердно.

Бог сильно желает нашего спасения и доказал это в самом начале. Послушай, что говорил Он, когда творил человека: *сотворим человека по образу Нашему* [и] *по подобию Нашему* (Быт. 1, 26), и ещё: *не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника* (Быт. 2, 18). И потом, когда первый человек впал в преступление, заметь, как Бог кротко укорял его; Он не сказал ему: нечистый и пребеззаконный, получив от Меня так много благодеяний, ты и после всего этого поверил диаволу и, оставив Благодетеля, послушался демона! Но что говорит? *Кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с кото-*

рого Я запретил тебе есть? (Быт. 3, 11). Так сказал бы и отец сыну, которому он приказал не трогать меча и который, не послушавшись, ранил себя: отчего ты ранен? Оттого, что меня не послушался. Замечаешь ли, что это – слова больше друга, чем Владыки, друга, подвергшегося обиде, но и при всём том не переставшего любить?

Будем же и мы подражать Богу и, когда станем укорять других, будем сохранять такую же кротость. С тою же снисходительностью укоряет Бог и жену (Еву), а правильнее сказать, слова, обращённые к жене, были не укоризной, а советом, вразумлением и предостережением на будущее время. Потому Бог не говорит ничего такого змею, так как он был изобретателем зла и не мог переложить вину на другого. Зато Бог сильно наказал его и даже не остановился на этом, но и самую землю подверг общему с ним проклятью.

Если же Он и человека изгнал из рая и осудил на труд, то за это в особенности и должно поклоняться Ему и удивляться. Так как жизнь, протекающая в удовольствиях, приводит человека к нерадению, то Бог пресекает для него веселие и скорбями, как стеною, ограждает нерадение, чтобы мы возвратились к любви Его. А как поступил Он с Каином? Не с такою ли же кротостью? Будучи опять оскорблён им, Он не отвечает

обидой, но увещевает и говорит: *отчего поникло лице твое?* (Быт. 4, 6). Хотя поступок Каина не заслуживает никакого извинения, что и доказывает младший брат, но при всём том Бог не укоряет его, но говорит: *если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним* (Быт. 4, 7). Если ты боишься, говорит Бог, что ради этой жертвы Я навсегда лишу тебя прав первородства, то ободрись: Я отдаю в твои руки полную власть над братом, исправься только и люби брата, который ничем тебя не обидел; Я забочусь о вас обоих. И Меня более всего радует то, чтобы вы не враждовали друг на друга. Так Бог, подобно чадолюбивой матери, употребляет все средства и меры, чтобы ни один человек не был отторгнут от другого.

А чтобы тебе яснее из примера понять сказанное мною, подумай о Ревекке, как она тревожилась и прибегала к разным способам, когда старший сын враждовал против младшего. Ведь хотя и любила она Иакова, но не отвращалась и от Исава, почему и говорила: *для чего мне в один день лишиться обоих вас?* (Быт. 27, 45). По такому же побуждению и Бог говорил Каину: *если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе,* — желая предотвратить убийство и стараясь водворить между братьями мир.

Даже когда Каин убил брата, Бог не лишил его Своего промышления, но опять с кротостью обращается к братоубийце и говорит: *где Авель, брат твой?* (Быт. 4, 9), чтобы хотя таким образом заставить его сознаться в преступлении. Но Каин, как и прежде, и даже с грубейшим бесстыдством, упорствует. Но и после этого Бог не оставляет его, а словами оскорбляемого и пренебрегаемого друга говорит ему: *голос крови брата твоего вопиет ко Мне* (Быт. 4, 10). И вместе с убийцей опять поражает проклятием землю, на неё изливает гнев Свой и говорит: проклята земля, *которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей* (Быт. 4, 11), — подражая в этом случае плачущим по умершим.

Так поступил и Давид, узнав, что Саул пал, — он проклинал горы, принявшие кровь Саула, и восклицал: *Горы Гелвуйские! Да* [не сойдет] *ни роса, ни дождь на вас... ибо там повержен щит сильных* (2 Цар. 1, 21). Так и Бог, как бы возглашая надгробную песнь Авелю, говорит: *голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли,.. которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей.* Этими словами Бог хотел укротить кипящий гнев Каина и возбудить в нём любовь хотя бы к умершему. Ты угасил жизнь его, говорит Господь, по-

чему же не угашаешь вражды? Но что ещё делает Господь? Он любит и Авеля и Каина, потому что Он сотворил их обоих. Как же поступить Ему теперь? Оставить убийцу без наказания? Но он может сделаться от этого ещё хуже. Или наказать его? Но Бог чадолюбивее всякого отца.

Итак, смотри, как Он и наказывает Каина, и в самом наказании обнаруживает любовь или, лучше сказать, не наказывает, а только исправляет. Он не предал его смерти, но связал трепетом, чтобы он мог загладить вину свою, чтобы хотя таким путем мог он возвратиться в лоно любви Божьей и примириться с Авелем, хотя и·умершим, так как Бог не хотел, чтобы Каин ушёл из этого мира во вражде против умершего брата.

Так поступают любящие, которые, когда не могут возбудить к себе любви благодеяниями, прибегают к строгим мерам и угрозам, побуждаемые к этому не внушением своей воли, но любовью, чтобы хотя таким средством привлечь к себе тех, которые их презирают. Конечно, такая любовь возникает в других под влиянием принуждения, однако же они и ею утешаются вследствие сильной своей любви; таким образом, и наказание бывает следствием любви. Ведь те, которые не оскорбляются тем, что их ненавидят, не желают и наказывать.

Это самое Павел подтверждает в Послании к Коринфянам, говоря: *если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?* (2 Кор. 2, 2). Таким образом, всякий раз, когда усиливают наказание, тогда доказывают и любовь. Так и египтянка вследствие сильной любви жестоко наказала Иосифа. Но она наказала по злому побуждению, потому что любовь её была бесстыдна, а Бог наказывает с доброй целью, потому что Его любовь достойна любящего. И чтобы ты уразумел силу любви Его, Бог не отказывается употреблять более грубые выражения, приписывать Себе страсти человеческие и называть Себя ревнивым. *Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель* (Исх. 20, 5), говорит Он.

Потому возлюбим Его так, как Он желает, — это Он считает великим делом. Если мы и отвращаемся от Него, Он не перестаёт призывать нас, если и не хотим обратиться, Он наказывает, потому что любит, а не для того, чтобы подвергать наказанию. Послушай, что у Иезекииля говорит Он городу, Им любимому и презиравшему Его: *Я соберу всех любовников твоих... и предам тебя кровавой ярости и ревности; предам тебя в руки их... и побьют тебя камнями, и разрубят тебя мечами своими... и отступит от тебя негодование Мое, и успокоюсь, и уже не буду*

гневаться (Иез. 16, 37–42). Мог ли больше этого сказать горячо любящий друг, презираемый своею возлюбленной и несмотря на это ещё пламенеющий к ней любовью?

Бог всё делает, чтобы склонить нас любить Его; для этого Он не пощадил и Сына Своего. Но мы непреклонны и жестокосерды. Сделаемся же, наконец, кроткими и возлюбим Бога, как любить должно, чтобы мы могли с полным удовольствием наслаждаться добродетелью. Если тот, кто имеет любимую жену, нисколько не чувствует ежедневных огорчений, то представь, каким удовольствием будет наслаждаться тот, кто любит божественной и чистой любовью.

В этом, именно в этом заключается Небесное Царствие, в этом наслаждение благами, удовольствие, веселие, радость, блаженство, а вернее — что бы я ни сказал об этом, ничто не в состоянии будет изобразить его, но один только опыт может с ним познакомить. Потому и пророк сказал: *утешайся Господом* (Пс. 36, 4), и в другом месте: *вкусите, и увидите, как благ Господь* (Пс. 33, 9).

Итак, станем повиноваться и насладимся любовью Его. И тогда ещё здесь мы узрим Царствие, поживём ангельскою жизнью и, пребывая на земле, будем иметь у себя нисколько не меньше, чем обитающие на

небе, а после переселения отсюда светлее всех предстанем престолу Христову и будем наслаждаться неизреченною славою, быть участниками которой да будет дано всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ

Любить ближнего как самого себя. Что может быть легче этого? Ненавидеть – тяжело и сопряжено с беспокойством; а любить – легко и удобно. Подлинно, если бы Господь сказал: вы, люди, любите зверей, – такая заповедь была бы трудна; но когда он заповедал людям любить людей же, к чему и однородность и единство происхождения и естественное влечение служат великим побуждением, то какая может быть здесь трудность? Это бывает и у львов, и у волков, и их сродство природы располагает к взаимной приязни.

Поэтому какое мы можем иметь оправдание, если не станем привлекать к себе любовью однородных с нами, тогда как укрощаем львов и приучаем их к своему дому? Не видите ли, как многие для получения наследства ухаживают за стариками, будучи сами людьми молодыми и здоровы-

ми, и постоянно сидят около них, перенося все неприятности старческого возраста от подагры, расслабления и других болезней, сопровождающих старость? Между тем там только одна надежда на богатство, и притом надежда неверная; а здесь небо, и прежде неба благоволение Божие. В написании псалма сказано: *о наследствующем*. Кто же это наследствующий? Церковь и все члены её; о ней говорит Павел: *я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11, 2); и Иоанн: *имеющий невесту есть жених* (Ин. 3, 29).

Но у жениха обыкновенного после первых дней брака ослабевает сила любви, а наш Жених — Христос — остаётся непрестанно любящим нас и непрестанно усиливает Свою любовь. Выражая это, Иоанн и называет Его Женихом, так как у жениха любовь бывает особенно сильна. И Церковь он назвал невестою не поэтому только, но и потому, что желает всем нам быть одним телом и одною душою по добродетели и любви. И как невеста всё делает для угождения жениху, таковы должны быть и мы во всю жизнь. Как невеста с того самого дня, как поселится в брачном чертоге, заботится только об одном: как бы угодить жениху, — так точно и мы в продолжение всей настоящей жизни должны заботиться об одном, как бы угодить Жениху и сохранить благонравие невесты.

Об этой невесте упоминает и Давид, когда говорит: *стала царица одесную Тебя... одежда ее шита золотом* (Пс. 44, 10, 14). Хочешь ли видеть и обувь её? Послушай Павла, друга женихова, который говорит: *станьте... обув ноги в готовность благовествовать миру* (Еф. 6, 14–15). Хочешь ли видеть и пояс её, составленный из правды? Он же научит тебя: препояшьте *чресла ваши истиною* (Еф. 6, 14). Хочешь ли видеть красоту её? И это можешь узнать от него: Церковь *свята и непорочна* (Еф. 5, 27).

Послушай, что говорит о ней и Премудрый: *Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе* (Песн. 4, 7). Хочешь ли видеть и ноги её? *Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!* (Рим. 10, 15). И то поистине дивно и поразительно, что Он, украсив её таким образом, не пришел во всей своей славе, чтобы преизбытком Своей красоты поразить и изумить её, но приходит облечённый в ту же одежду, какая у невесты, Он причастен такой же *плоти и крови,* какая у неё (Евр. 2, 14), и не её призывает на небеса, но Сам свыше приходит к ней, соблюдая и здесь закон, по которому жених приходит к невесте. Об этом и Моисей говорит: *оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей* (Быт. 2, 24); и Павел говорит:

тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви (Еф. 5, 32). Придя в жилище её и найдя её нечистою, грязною, обнажённою, запачканною в крови, он обмыл её, умастил, напитал, одел одеждою, лучше которой невозможно найти. Он сам становится для неё одеждою и, взяв её, таким образом отводит к себе. Вот та, которой уготовано наследство.

ОСНОВАНИЕ ЛЮБВИ – ХРИСТОС

Мы видим, что люди имеют разные побуждения к любви: один любит потому, что его самого любят; другой потому, что его уважают; иной потому, что ближний в некотором житейском деле был для него полезен; а четвёртый по чему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любил ближнего искренно и как должно – для Христа. Большинство соединено друг с другом только житейскими делами. Павел не так любил: он любил для Христа – потому-то хотя и не был любим так, как сам любил, однако не ослаблял любви своей, а дал ей укорениться в себе.

Не такова нынешняя любовь. Если мы исследуем все причины любви, то найдём, что у большинства они отличаются от указанной. И если бы кто позволил мне в этом многолюдном собрании учинить

такое исследование, то я показал бы, что весьма многие соединены между собою житейскими видами. Это открывается из причин, производящих вражду. Так как они соединены между собой временными выгодами, то поэтому любовь их не имеет ни пламенности, ни постоянства; напротив, каждая обида, или потеря денег, или зависть, или любовь к тщеславию, или другое что подобное легко разрушает их любовь, не имеющую духовного корня.

Если бы был такой корень, то ничто житейское не могло бы разрушить духовного. Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима; расторгнуть её не может ничто — ни клеветы, ни опасности, ни смерть, ни другое что-либо подобное. Кто таким образом любит, хотя бы претерпевал тысячу поражений за свою любовь, не оставит её. Кто любит за то, что его любят, тот, случись с ним неприятность, прервёт любовь свою; а кто соединён той любовью, никогда но оставит её. Потому и Павел сказал: *любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13, 8).

Что ты скажешь мне в защиту свою? Что тебя обидел тот, который был почтён тобою? Или что облагодетельствованный тобою хотел убить тебя? Но если ты любишь для Христа, то и это самое располагает тебя к большей любви. Что у других

служит к разрушению любви, здесь то же самое служит к утверждению её. Почему же? Во-первых, потому, что таковой бывает для тебя причиною наград; во-вторых, потому, что он имеет нужду в большей помощи и заботливости о нём.

Вот почему кто так любит, тот не разбирает ни рода, ни отечества, ни богатства, ни взаимной любви к себе, ни другого чего-либо подобного, но, хотя бы его ненавидели, обижали, умерщвляли, не перестаёт любить, имея достаточную причину к любви — Христа. На Него неуклонно взирая, он пребывает твёрд и неизменен.

И Христос таким же образом любил врагов, неблагодарных, обидчиков, поносителей, ненавистников, не хотевших и смотреть на Него, предпочитавших Ему даже дерево и камни, — любил их высочайшею любовью, которой нельзя найти подобной. Он говорит: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Смотри, как Он заботится и о тех, которые распяли Его и которые столько оказали неистовства над Ним! Так говорил Он о них Отцу: *прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34). И впоследствии послал ещё к ним учеников. Итак, последуем и мы этой любви и будем взирать на неё, чтобы, сделавшись подражателями Христу, удосто-

иться и здешних, и будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ЛЮБОВЬ – КРЕПКАЯ СТЕНА

Ныне любовь оскудевает; осталось только имя её, а на деле её нет, но разделились мы между собою. Что делать, чтобы соединиться? Ведь легко обличать, но это только половина дела: нужно ещё показать, как устроить общение; нужно о том позаботиться, как нам соединить разделившиеся члены. Не о том только нужно заботиться, чтобы нам принадлежать к единой Церкви или содержать один и тот же догмат; но нехорошо то, что, имея общение друг с другом во всём прочем, мы не имеем его в необходимом и, сохраняя только видимость, находясь в мире со всеми, не соблюдаем мира между собою.

Не на то смотри, что мы не ссоримся между собою каждый день, но на то, что у нас нет истинной и искренней любви. Нам нужны повязки и масло на наши раны (см. Лк. 10, 34). Вспомним, что любовь есть признак учеников Христовых (см. Ин. 13, 35), что без неё всё прочее не значит ничего, что она есть дело нетрудное, если захотим иметь её. Да, скажут, мы знаем

это; но как достигнуть этого? Что нужно, чтобы она была у нас? Как сделать, чтобы мы любили друг друга?

Сначала устраним то, что противно любви, тогда приобретём и её. Пусть никто не помнит зла, не завидует, не радуется о зле. Это препятствует любви, а другое способствует ей. Недостаточно уничтожить препятствия — нужно иметь и то, что способствует. Действия, нарушающие любовь, а не созидающие, исчисляет Сирах, именно: *поношение, гордость, обнаружение тайны и коварное злодейство* (Сир. 22, 25). Для иудеев как людей плотских этого было достаточно, для нас же — нет; не этому только учим вас, но и другому. Для нас — без любви всё бесполезно.

Пусть будут у тебя бесчисленные блага — какая в том польза? Пусть будут богатство, роскошь, но без любящих тебя — какая в том польза? Нет блага прекраснее этого даже в житейском отношении, и, напротив, нет ничего хуже вражды. *Любовь покрывает множество грехов* (1 Пет. 4, 8), а вражда, напротив, подозревает и то, чего нет. Недостаточно — только не быть врагом: нужно ещё питать и любовь. Вспомни, что так повелел Христос, и этого довольно. Сама скорбь содействует любви и укрепляет её. Но что же, скажут, теперь, когда нет скорби?

Объясни, как нам стать друзьями? Но, скажи мне, разве у вас нет каких-нибудь друзей? Как вы стали друзьями? Как остаётесь ими? По крайней мере, пусть никто не враждует против другого: и это немаловажно; пусть никто не завидует; незавидующий не может быть и клеветником.

Все мы живём в одной вселенной, питаемся одними и теми же плодами. Этого мало; мы сподобляемся одних и тех же Таинств, одной и той же духовной пищи. Вот побуждения к любви! Но как, скажут, нам сохранить теплоту любви? А что возбуждает любовь плотскую? Телесная красота. Соделаем же и души наши прекрасными и будем питать любовь друг к другу — ведь нужно не любить только, но и быть любимыми. Сделаем сперва это, то есть чтобы нас любили, — тогда легко будет и то.

Как же сделать, чтобы нас любили? Будем добрыми, и мы достигнем, что всегда будут любящие нас. Пусть каждый заботится не столько о приобретении имущества, или рабов, или домов, сколько о том, чтобы быть любимым, чтобы иметь доброе имя. *Доброе имя лучше большого богатства* (Притч. 22, 1). То постоянно, а это скоропреходяще; это можно приобрести, а того нельзя. Кто заслужил недоброе имя, тому трудно освободиться от него, а бедный с именем добрым

скоро может сделаться богатым. Пусть один имеет тысячи золотых слитков, а другой сто друзей — последний богаче первого. Будем же иметь уста не просто, но как бы совершающие куплю. Как же это? *Сладкие уста умножают друзей, а доброречивый язык умножает приязнь* (Сир. 6, 5). Будем иметь уста, исполненные хвалы, и нравы чистые. С такими свойствами нельзя скрыться.

Посмотри, какие узы любви придумали язычники: кумовство, соседство, родство. Но у нас есть нечто больше всего этого. Это — Священнейшая Трапеза. Между тем многие из нас, приступающих к ней, даже не знают друг друга. Это происходит, скажут, от многочисленности. Нет, от нашего нерадения. Три тысячи и пять тысяч верующих было вначале, и все они имели «одну душу» (см. Деян. 4, 32), а теперь и не знают друг друга, и не стыдятся этого, ссылаясь на многочисленность.

Кто имеет много любящих его, тот непреоборим ни от кого, тот сильнее всякого властителя: не столько оруженосцы охраняют последнего, сколько первого — любящие его. Он и славнее того: один охраняется своими рабами, а другой — людьми, равными ему; одного охраняют не по своей воле и из страха, другого добровольно и без страха. Чудное бывает здесь явление: единство во

множестве и множество в единстве. Как в игре на гуслях: хотя звуки различны, но симфония одна, один и музыкант, играющий на гуслях, так и здесь: гусли — это любовь; звуки — это происходящие от любви дружеские речи, производящие все вместе одну и ту же гармонию и симфонию; музыкант — это сила любви, она издает сладостное пение.

Я хотел бы, если это возможно, ввести тебя в такой город, где была бы одна душа; ты увидел бы, какое там согласие, сладостнейшее всяких гуслей и всякой свирели, не издающее ни одного нестройного звука. Это согласие доставляет радость ангелам и Самому Господу ангелов, служит приятным предметом зрелища для всех сил небесных, укрощает ярость демонов, обуздывает порывы страстей. Это согласие не только укрощает страсти, но не попускает и восставать им, и производит великое молчание. Как на зрелище все в молчании слушают хор играющих и не производят ни малейшего шума, так и у любящих друг друга, когда любовь поёт песнь свою, все страсти усмиряются и успокаиваются, как звери обузданные и укрощённые; а где вражда, там всё наоборот. Но не станем говорить теперь о вражде, будем говорить только о любви. Скажешь ли что-нибудь опрометчиво — никто не осуждает, но все извиняют; сделаешь

ли что-нибудь — никто не имеет подозрения, но оказывает великое снисхождение. Все готовы подать падающему руку помощи, все охотно стараются поднять его.

Поистине любовь есть крепкая стена, неприступная не только для людей, но и для диавола. Кто окружён множеством любящих его, тот не может впасть в опасность; нет у него поводов к гневу, но всегда он чувствует сердечное спокойствие, радость и веселие; нет поводов к зависти; нет случаев к памятозлобию. Посмотри, как легко исполняет он и духовные, и житейские дела свои. Что может сравниться с ним? Он — как город, отовсюду ограждённый стенами; а тот, не имеющий любви, — как город, ничем не ограждённый. Быть причиной любви — это великая мудрость. Уничтожь любовь — и разрушишь всё, ниспровергнешь всё. Если же подобие любви имеет такую силу, то какова должна быть сама истинная любовь?

Итак, увещеваю вас, будем стараться, чтобы были любящие нас; пусть каждый упражняется в этом искусстве. Но вот, я, скажут, забочусь об этом, а тот не заботится. За то и большая награда ожидает тебя. Так, скажешь, но это трудно. Отчего, скажи мне? А я говорю и уверяю, что если только десять человек из вас соединятся и вы приметесь за это дело, подобно тому как апостолы за

дело проповеди или пророки за дело учения, если так и вы будете приобретать друзей, то получится великая награда.

О том особенно и больше всего будем стараться, чтобы *в почтительности друг друга* предупреждать (Рим. 12, 10). Не думай, что отдавать предпочтение другому значит унижать самого себя. Предпочитая другого, ты отдаёшь честь самому себе, делаясь достойным большей чести. Будем же всегда уступать первенство другим. Не будем помнить сделанного нам зла, но — только добро. Ничто так не приобретает нам любви других, как язык, исполненный благодарности, уста, готовые на похвалу, душа негорделивая, отсутствие тщеславия, презрение к почестям.

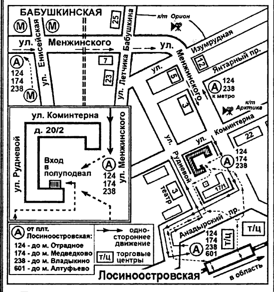
Если будем исполнять это, то сделаемся неуловимыми для сетей диавола и, тщательно упражняясь в добродетели, сподобимся благ, уготованных любящим Бога, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Содержание

Православное братство святого апостола Иоанна Богослова

129327, г. Москва, ул. Коминтерна, 20/2

Проезд:

1) – ст. м. «Бабушкинская» (последний вагон, выход направо), авт. №№ 124, 174 и 238 (также маршрутные такси №№ 88, 111) до остановки «Кинотеатр “Арктика”» или от метро 15 мин. пешком по ул. Менжинского;

2) – электричкой с Ярославского вокзала до платформы «Лосиноостровская», далее 2 мин. пешком.

Работаем **ежедневно** (кроме суббот, воскресений и двунадесятых праздников) с 10 до 17 часов без перерыва на обед.

Телефон: (499) 184-31-92; телефон/факс (495) 730-57-17

Духовная библиотека
Святитель Иоанн Златоуст
О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ И ЛЮБВИ
М., 2009

Составление: Чунтонов Д. С.

Издательство Православного братства святого апостола Иоанна Богослова

Издательская лицензия ЛР № 030751
от 20 июня 1997 года.
129327, Москва, ул. Коминтерна, д. 20/2

Подписано в печать 25.12.08.
Печать офсетная. Формат 70х90 1/32.
2 п. л. Тираж 5 000 экз. Заказ 129

Отпечатано
в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в Патриаршем издательском
полиграфическом центре. Сергиев Посад.
Свято-Троицкая Сергиева Лавра

